

2007055510

О НЕОБХОДИМОСТИ СОДѢЙСТВІЯ ФИЛОСОФІИ

УСПѢХАМЪ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ, ДОКТОРОМЪ ФИЛОСОФІИ,

НИКОЛАЕМЪ ИВАНОВЫМЪ.

13 Іюня 1843 года.

КАЗАНЬ,

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1843.

Mitten unter den Protestationen gegen die Anmassungen der Systeme, hört man nicht auf, philosophichen Geist zu fordern von jeder Wissenschaft, und von jedem, der sie pflegt und der sie anwendet im Leben. Allgemeiner, wie je, wird der weite Unterschied anerkannt zwischen einer Gelehrsamkeit, die aus angehäuften Massen besteht und zwischen der Denkkraft, welche die von eben diesen Massen dargebotenen Veranlassungen zum Denken, aufnimmt und verfolgt. Man sieht ein, dass es ein geringes Lob ist, wenn jemand allenfalls die archivarische Fertigkeit besitzt, aufzustellen, was er sammelte; man fühlt, um wie wenig sich dieses Lob erhöhet, wenn eine dienstbare Redekunst hinzukommt, die etwa aufgestellten Stückchen zierlich genug aus ihrem Fache zu heben und zu präsentiren weiss; man bleibt unbefriedigt, selbst wenn eine genialische Phantasie, und ein weiches Herz, bei Gelegenheit jener Gegenstände, manches Interessante, manches Schöne und Rührende herbeibringt;—man will nicht *gelegentlich irgend Etwas* denken und fühlen,—sondern *Der Sache selbst will man inne werden*!

Herbart.

Скромное академическое торжество, ежегодно повторяющееся въ этомъ заведеніи, теперь снова соединило васъ, почтеннѣйшіе посѣтители. Но сіе повтореніе, сей годично обновляющійся возвратъ торжественнаго дня нашего, не могутъ и не должны дѣлать его обычнымъ. Нынѣ, когда Университетъ призвалъ васъ—праздновать мирную субботу его отдохновенія, конечно, вы горячо раздѣляете съ нами тѣ чувства, которыя въ настоящую сладостную минуту запали въ нашъ духъ. Прежде всего, по завѣту благоговѣйной старины, мы, вмѣстѣ съ вами, отъ глубины благодарныхъ сердецъ вознесли мольбы къ промыслу, непрестанно благодѣявшему заведенію нашему, въ годину ужаснаго бѣдствія соблюдшему его на пользу обширнѣйшаго края въ Имперіи, поспѣшествовавшему нашимъ трудамъ и увѣнчавшему ихъ утѣшительными послѣдствіями. Теперь по коренному, отличительному свойству народа Русскаго, привыкшаго украшать общественныя празднества изъявленіями преданности своимъ монархамъ, обратимъ просвѣтленный любовію взоръ нашъ къ Тому, Кѣмъ уже второе десятилѣтіе счастлива Россія, Кто, такъ много совершивъ для ея славы и процвѣтанія, показалъ свѣту, среди волненій запада, разительный примѣръ безпредѣльной привязанности къ себѣ подданныхъ, непоколебимой ихъ вѣры въ мудрость Его намѣреній, въ высокость цѣли, къ которой Онъ неуклонно ведетъ ихъ, и Кѣмъ даровано имъ драгоцѣннѣйшее благо—сознаніе духовной самостоятельности.

Внимательно наблюдая событія, происходящія въ отечествѣ, несомнѣнно вы признали, что пробужденіе сего сознанія есть великій подвигъ нынѣшняго достославнаго царствія. Съ той поры, когда на пространствѣ исполинской монархіи раздался отеческій призывъ Государя—Благотворителя шестидесяти милліоновъ: *будьте истинно Русскими*,—съ этой незабвенной поры мысль о націо-

нальной самобытности животворно пронеслась по всѣмъ изгибамъ нашего духа, окрилила его силы, стала могущественнымъ движителемъ нашего стремленія, средоточіемъ дѣятельности, соединила всѣ частныя направленія, обобщила разрозненные порывы, сдѣлалась важнѣйшею современною потребностію, звучнымъ отголоскомъ самыхъ пламенныхъ всенародныхъ желаній.

Умолчу ли, что виновникъ обновленія духовной нашей жизни не ограничился только выраженіемъ сей плодоносной мысли? Не Онъ ли съ каждымъ днемъ осуществляетъ ее въ государственномъ устройствѣ? Не подъ Его ли хранительнымъ скипетромъ прочно насаждаются сѣмена воспитанія, соотвѣтственнаго почвѣ нашей народности, глубоко пускающаго свои корни въ элементы нашей гражданственности? Не Онъ ли предлагаетъ обильные способы къ изученію отечественной исторіи, въ возвышенномъ убѣжденіи, что она представитъ намъ величественную картину Русскаго быта, изобразитъ характеристическія черты прошедшаго и раскроетъ блестящую, полную надеждъ, отрадную будущность? Не по Его ли указаніямъ просвѣщенные исполнители державной воли, облегчая средства къ усвоенію Европейскаго образованія, ревнуютъ, чтобы благодатныя истины науки проливались въ жизнь общественную потокомъ роднаго слова внушаютъ, что идеи, заимствуемыя изъ сокровищницы человѣчества, должны быть постигаемы нами самостоятельно, что чужихъ понятій нельзя принимать рабски, безъ изслѣдованія и повѣрки, безъ подвиговъ собственнаго нашего разума, и что намъ не слѣдуетъ останавливаться на воспринятомъ, но надлежитъ претворять его въ нашу плоть и кровь?

Да, Мм. Гг., будемъ вполнѣ признательны Правительству: оно всегда руководя и совершенствуя народъ Русскій, постоянно шествуя впереди умственнаго его движенія, и въ этомъ важномъ случаѣ *своевременно* отгадало то, что составляетъ нынѣ существенную потребность въ духовномъ развитіи нашемъ.

Петръ Единственный, уничтоживъ преграды, отдѣлявшія Россію отъ сближенія съ Европою, вывелъ ее изъ Азіятскаго покоя на поприще всемірной дѣятельности, возбудилъ въ ней всѣ силы, дотолѣ пребывавшія сокровенными, и окончательно рѣшилъ давній вопросъ объ участіи ея въ верховныхъ историче-

скихъ задачахъ нашей части свѣта. Удивляться ли, что свидѣтели безсмертныхъ дѣлъ Преобразователя, изумлённые величіемъ совершенныхъ имъ предпріятій, единодушно нарекли его Великимъ? Окиньте смѣлымъ взоромъ сію громадную Имперію, созданную творческою мыслію Петра, и она предстанетъ предъ вами неумолкаемою провозвѣстницею, что онъ геній своего вѣка, геній всѣхъ временъ, геній Руси перводержавной, геній человѣчества. По кончинѣ великаго мужа, люди, непостигавшіе неистощимой зиждительности завѣщанныхъ имъ идей и незаглядывавшіе въ богатую сокровищницу Русскаго духа, смущаясь борьбою неулегшихся еще элементовъ новаго гражданскаго порядка, заботливо спрашивали: какія покинулъ Петръ обезпеченія сомнительной будущности? Примѣры Голландіи и Швеціи подтверждали ихъ опасенія. Сіи государства подвигами доблестныхъ героевъ, заслугами мудрыхъ правителей, хотя и были поставлены на кратковременный срокъ въ ряды первостепенныхъ Европейскихъ державъ, однакожъ быстро упали съ высоты своей, какъ только народныя силы оказались недостаточными замѣнить этихъ дѣятелей. Но сіи справедливые примѣры неумѣстно прилагались къ Россіи. Не отрицаю, что масса духовныхъ и политическихъ интересовъ, набросанная могучею рукою Преобразователя, являлась весьма разнородною, не имѣла единства; согласенъ, что, стремясь къ совершенствованію по разнымъ направленіямъ, съ жадностію заимствуя знанія у чужеземцевъ, мы не пересматривали дѣланныхъ нами присвоеній и довольствовались слѣпою вѣрою въ ихъ необходимость; но эта нестройная масса, эти поспѣшныя пріобрѣтенія, не могли подавить народнаго самопознанія, которому оплотомъ служила пламенная любовь къ вѣрѣ и отечеству. Не оно ли внушало Елисаветѣ мысль продолжить начинанія Петровы? Не имъ ли руководилась Она, когда учреждала первый вертоградъ Русскаго образованія, предназначенный распространять свѣтъ науки посредствомъ отечественнаго слова? Не его ли благотворною теплотою согрѣвались думы Екатерины II, когда она *за славу себѣ вмѣняла сказать, что живетъ для своего народа?* Не имъ ли одушевлялся блистательный сонмъ государственныхъ мужей,—сподвижниковъ великой жены? Не оно ли вызывало тогда замѣчательнѣйшіе таланты на всѣ поприща граж-

данственности, указывало цѣли ихъ стремленію, поддерживало благородные ихъ труды? Не его ли чудным наитіемъ вдохновлялся пѣвецъ Фелицы? Не оно ли разоблачило ему завѣтныя тайны нашей души, настроило гремящую его лиру къ дивнымъ звукамъ, такъ могущественно, такъ глубоко потрясающимъ наше сердце?

Вступивъ на престолъ, Екатерина прозорливымъ умомъ своимъ скоро постигла, что Ей суждено оживить и возвеличить твореніе Петра, внести единство во всѣ отрасли управленія, привести въ стройное движеніе физическія и нравственныя силы Имперіи, которой участь Она неразрывно связала съ собственною долею. Гдѣ же, въ чемъ сія мудрая Монархиня искала средствъ къ исполненію этихъ любимыхъ, неизмѣнныхъ Ея намѣреній? Чѣмъ Она подкрѣпляла свои зрѣло обдуманныя надежды, когда приговорщики, слывшіе оракулами вѣка и высоко чтимые Ею, глумились сбыточности ея предпріятій, обращали ихъ въ предметъ досужей остроты, и во услышаніе Европы заявляли, что Она гонится за обольстительною мечтою? Проникнутая убѣжденіемъ въ непреложности своего призванія, пламенѣя вѣрованіемъ въ нашу Исторію, въ неизсякаемое плодоносіе Русскаго духа, въ важный жребій Русскаго народа, геніальною мыслію обнимая гигантскія творенія Петровы и ревнуя идти по Его слѣдамъ, Екатерина, въ теченіе продолжительнаго царствованія, съ непоколебимымъ постоянствомъ совершала подвигъ многотрудный—уравновѣшивала разностихійныя начала, составлявшія тогдашній общественный бытъ, сдружала враждебное, преобразовала старое по новымъ отношеніямъ времени, опредѣляла всему соотвѣтственныя формы и направляла къ единой великой мѣтѣ—чтобъ мы возчувствовали самихъ себя, сознали свое достоинство, разсѣяли предразсудки, по которымъ политическіе звѣздочеты гадали о нашемъ назначеніи. И Она не обманулась въ своихъ ожиданіяхъ; Россія не постыдила Ея отрадныхъ упованій.

Встрѣтивъ девятнадцатое столѣтіе съ Царемъ, приготовленнымъ къ государствованію попеченіями Екатерины, мы, при видѣ бурь, грозившихъ подавить Европу

обломками троновъ и развалинами гражданскихъ союзовъ, не отреклись отъ прежняго долга нашей наставницѣ, но съ избыткомъ заплатили его, защитивъ мощною грудью вѣковый порядокъ дѣлъ, пріосѣнивъ охранительною рукою независимость народовъ и низложивъ исполина, замыслившаго пересоздать Исторію по своимъ планамъ, а Русское имя стереть съ ея страницъ. Да, предводимые Внукомъ Екатерины, мы съ громкою славою осуществили Ея чаяніе и торжественно, предъ цѣлымъ свѣтомъ, оправдали подвигъ Петра. Изумленная необычайными дѣяніями Александра Благословеннаго, Европа увѣрилась, что выспренній геній Преобразователя не суетно стремился доставить Россіи почетное мѣсто въ системѣ прочихъ державъ, но выполнялъ міровыя цѣли Провидѣнія, что свѣтлый взоръ Зиждителя нашихъ судебъ не останавливался только на поверхности настоящаго, но дальновидно проникалъ въ грядущее, что ускоренно шествуя по пути новой гражданственности, крѣпко напрягая свѣжія силы своихъ подданныхъ, внезапно призывая ихъ къ новымъ доблестямъ, къ новымъ отличіямъ, Петръ не отваживалъ будущности государства на шаткое покровительство удачи и случая, но глубоко постигалъ неистощимые его способы, возращалъ плоды, пересаженные изъ чужбины, не въ теплицѣ, но на привольной, воспріимчивой нивѣ національнаго духа, и сооружалъ колоссальное зданіе царства не на остреѣ, но на несокрушимой опорѣ нравственныхъ качествъ Русскаго народа. Поразительное, безпримѣрное въ Исторіи зрѣлище: не протекло еще ста лѣтъ съ той поры, когда пресѣклось земное поприще Петра, и кроткій Праправнукъ Его уже подноситъ Европѣ результаты заимствованныхъ у нея познаній, въ непререкаемое доказательство, что Россія была ученицею понятливою и прилежною.

Но такое мнѣніе о ней, утвердившееся повсемѣстно, пріобрѣтено нами цѣною дорогихъ пожертвованій. Весьма много выигравъ отъ сближенія съ иностранцами, мы потерпѣли и ощутительный вредъ отъ безусловнаго подражанія имъ. Насъ радовало выученное, привлекала насущная польза, неразлучная съ просвѣщеніемъ, обольщали поощренія, щедро дарованныя свѣдѣніямъ, плѣняли

значительныя преимущества, повсюду открытыя образованности—почести на службѣ, уваженіе общественное, довольство въ частной жизни, и мы, обаянные искушеніями вещественныхъ выгодъ, ослѣпленные блестящею быстротою самыхъ успѣховъ, не чувствовали, какъ тяжко гнело насъ чуждое вліяніе, не замѣчали разлада между наслѣдственными отеческими уставами и современнымъ направленіемъ умственной дѣятельности, разъединяли область мышленія отъ быта гражданственнаго, опрометчиво брались за рѣшеніе вопросовъ, лежащихъ внѣ круга нашей народности; а родное, кровное равнодушно забывали, мало по малу утрачивали свою индивидуальность, собственный образъ воззрѣній, и незамѣнимое домогались замѣнить прививными идеями, поддѣльными чувствованіями, мечтательными началами. Стоило прислушаться къ разногласнымъ мнѣніямъ, преобладавшимъ тогда въ обществѣ, наукѣ, и Литературѣ?

Въ обществѣ—одни, закоснѣвшіе въ упрямой преданности старинѣ, безотчетно порицали всякое стремленіе къ совершенствованію, съ самоотверженіемъ желали возврата той сладкой дремоты, той восточной неподвижности духа, изъ которой такъ недавно воспрянули мы на призывный кликъ Петра. Другимъ—необдуманное пристрастіе къ иноземщинѣ не только не казалось предосудительнымъ, но даже служило основою притязаній на особенное вниманіе согражданъ. Быть отголоскомъ чужихъ убѣжденій—значило для нихъ идти за вѣкомъ, составляло высшую цѣль ихъ честолюбія. Трудно, въ краткомъ очеркѣ, изобразить характеристику сего многочисленнаго класса подражателей, слишкомъ торопливо гордившихся новымъ образованіемъ. Въ пестрой толпѣ приверженцевъ его сталкивались люди хаотически—разнородныхъ понятій. Первые ряды занимали поборники утопій Руссо, наклонные вѣрить, что человѣкъ мыслящій есть испорченное животное, грезившіе объ идиллическомъ счастіи первобытныхъ общественныхъ союзовъ, готовые скрыться въ лѣса, чтобы тамъ, въ объятіяхъ матери природы, вновь обрѣсти то золотое время, когда на дѣвственной землѣ не раздавались еще слова—*это мнѣ принадлежитъ.* За ними стояли чтители Фернейскаго мудреца, малодушно поддавшіеся его властительству, трепетавшіе

ѣдкой его остроты, въ страхѣ своемъ не постигавшие ни его суетливой измѣнчивости, ни скудости знаній, ни наглости посягательствъ, ни рѣзкихъ противорѣчій, которыми онъ самъ себя опуталъ, и съ его повелительнаго голоса толковавшіе о суевѣріи, о фанатисмѣ, о тѣсномъ кругозорѣ ветхой учености, о смѣломъ полетѣ ума энциклопедистовъ. Вблизи цѣнителей Вольтера встрѣчались поклонники Дидро, Даламберта, Нежона, Гольбаха, Гельвеція, Райналя и Кондильяка, искавшіе обыденной пищи житейскаго пустословія въ ихъ пресловутыхъ сочиненіяхъ.

Говорить ли уже о наукѣ? И въ ней мы робко подчинялись заграничнымъ руководителямъ. Послѣ крушенія, испытаннаго въ Германіи Вольфіанскою школою, у насъ нашлись хранители утлыхъ ея обломковъ. По наставленію Бильфингера, Баумгартена, Мейера, Эбергарда и Баумейстера, они свѣтлый ликъ Философіи заботливо покрывали туманною пеленою схоластики, изощряли свое остроуміе надъ рѣшеніемъ важной задачи—искуство ли Логика или наука, съ глубокомысліемъ разсуждали о методѣ открытія неизвѣстныхъ истинъ, съ рѣдкимъ терпѣніемъ, преимущественно же въ надеждѣ грядущаго забвенія, изучали только вожделѣнныя топическія мѣста, затѣйливые термины, опредѣленія, различенія, доказательства и поясненія. Другіе, неудовлетворенные ремесленническимъ труженичествомъ надъ постройкою силлогисмовъ, изсушавшимъ свѣжіе соки мысли, съ тоскливымъ сомнѣніемъ обращались къ Сократу XVIII столѣтія, пытливо вопрошали его объ отношеніи субъекта къ объекту, внимательно выслушивали, какъ рѣшалъ онъ великую проблемму—*ob synthetische Urtheile a priori möglich seyen*? вмѣстѣ съ нимъ отчаявались въ возможности разгадать роковую *Ding an sich*, и утѣшались, по крайней мѣрѣ, что ввѣрились осторожному учителю, который бдительно наблюдалъ за чувственностію, чтобъ она не искушала разсудка обманчивыми призраками воображенія, строго приказывалъ разсудку не заводить размолвки съ чувственностію, но признательно пользоваться ея указаніями, отнюдь не мѣнять ихъ на обольстительную отвлеченность, и зорко преслѣдовалъ разумъ, чтобы онъ неуклонно соображался съ тарифомъ раз-

судка, безъ его дозволительнаго вида въ мирную область познанія не вносилъ идей, запрещенныхъ къ продажѣ. Выступилъ геніальный творецъ наукословія, и у насъ скоро явились избранники, отозвавшіеся привѣтомъ неожиданному благовѣстителю. Смущенные отважными его пріемами, они поколебались въ упованіи на прочность Кантова дуализма и пустились повторять разсказъ своего вожатаго, что ученіе Кёнигсбергскаго Профессора разрывчато, лишено средоточія, откуда происходили бы всѣ отрасли свѣдѣній, что онъ недостаточно уяснилъ связь практическаго ума съ теоретическимъ, что пора уже вникнуть въ истинное значеніе науки и признать ее совокупностію понятій, стройно развивающихся изъ единаго верховнаго начала, что это основное начало необходимо должно быть не только формальнымъ, но также и реальнымъ, что не надобно думать, будто оно предназначено навсегда оставаться безжизненнымъ правиломъ, по коему мы извнѣ данную намъ матерію мышленія преобразуемъ и направляемъ къ единству, напротивъ—въ немъ самомъ заключается зиждительная сила, которая и создаетъ себѣ элементы знаній и вмѣщаетъ въ нихъ опредѣленную форму, что отнынѣ главнѣйшая задача философіи состоитъ въ отъисканіи его плодотворнаго начала, чтобы съ полнымъ правомъ называться наукою о человѣческомъ вѣдѣніи. Въ то время, когда Фихте пытался разработать сокровища, до него лежавшія неприкосновенно во глубинѣ нашего духа, когда всеобъемлющій его геній насильственно производилъ многообразные предметы видимаго міра изъ идеи самосознанія, террористически втѣснялъ дѣйствительно существующее въ категорію ограниченнаго *не-я*, когда заоблачная его діалектика, его внезапные тезисы, антитезисы и синтезисы, крутой его разрывъ съ вещественностію, обдавали ужасомъ Кантіанцевъ, не могшихъ соразмѣрять мелкіе шаги свои съ шествіемъ исполина,—въ Іенѣ вышелъ на арену юный Шеллингъ. Въ цвѣтѣ лѣтъ—ему было тогда съ небольшимъ двадцать,—одушевленный убѣжденіемъ, что обрѣченъ почать новую страницу въ Исторіи Философіи (1), онъ неустрашимо взялся за ея труднѣйшія проблеммы, настойчиво доказывалъ потребность высшаго взгляда на природу и предвѣщалъ обильные результаты, неминуемо долженствовавшіе произойти отъ него. Послѣ счастливой годины Платона и Ари-

стотеля, любомудріе никогда не представлялось въ такомъ блескѣ, съ такою лучезарностію, какъ во дни славы Шеллинга. Его воззрѣнія, его мнѣнія, быстро переносились отъ одного конца Германіи къ другому и возбуждали общій, живѣйшій энтузіасмъ. Естествоиспытатели, врачи, съ напряженнымъ вниманіемъ толпились вокругъ его каѳедры; аудиторія Фихте почти опустѣла. Напрасно ратовали эмпирики противъ мужественнаго атлета; имъ ли опровергнуть его теорію, ослабить его вліяніе. Обычною чредою оно отразилось и на насъ, съ тою лишъ разницею, что мы не подмѣтили мучительной тревожности Шеллинга, не усмотрѣли непрестанной его борьбы съ самимъ собою, не отгадали его томительнаго желанія чего-то безпрерывно ускользающаго отъ поисковъ, не постигли, что эта недовольность, это безпокойство, суть неотвратимыя послѣдствія неопредѣленности началъ его философствованія. Не скрою, что она-то и привлекла къ нему ревностныхъ почитателей: не обуздывая ничьей фантазіи, система Шеллинга давала каждому средство прикрывать свои грёзы полупрозрачною дымкою конструированія, схематизированія, параллелисма, потенцій, факторовъ и умственнаго созерцанія. (2)

А наша Литература? Она, какъ справедливо сказалъ одинъ глубокомысленный критикъ, походила на особенную часть государства, въ которой прочіе граждане тщетно бы захотѣли освѣдомиться о своемъ историческомъ бытѣ, о своихъ обыкновеніяхъ, о своемъ языкѣ. Чуждая самостоятельности, она проявляла знаменія разнороднѣйшихъ заимствованій. Одни наряжали Русскую рѣчь въ длинную, волнистую тогу Латинскаго періода, выкраивали Русскій стихъ по мѣркѣ Нѣмецкой стопы, очень радовались сей искуственной находкѣ, изрѣдка и съ пренебреженіемъ прислушивались къ слову, звучавшему въ устахъ народа, нимало не подозрѣвая богатствъ, въ немъ сокровенныхъ. Другіе довѣрчиво предавались классицисму вѣка Лудовика XIV, рабски усвоивали его поддѣльныя замашки, соблюденіе ложныхъ его уставовъ принимали вывѣскою несомнѣннаго таланта и неумолимо ополчались на бездарную заносчивость тѣхъ, кои осмѣливались переступать за уровень, проведеный мертвящимъ уложеніемъ Буало и

Баттё. Въ журналахъ, въ книгахъ, сужденіе о произведеніяхъ словесности условливались Французскими образцами; сравненіе съ ними было гранью стремленія, верхомъ надеждъ тогдашнихъ нашихъ писателей. Какъ вольно вздымалась грудь, какъ просвѣтлялся взоръ того, кому на долю выпадало завидное титло или Русскаго Корнеля, или Расина, или Лафонтена. Съ каѳедръ внушали юношеству, что вникаціе въ сущность изящнаго, усилія изслѣдовать его стихіи, толки о преобладаніи духовности надъ формою, суть пустыя, забавныя погремушки праздныхъ нововводителей, что стóитъ умѣть изобрѣтать по топикамъ древнихъ, располагать мысли по хріямъ, и творчество дается уже само собою, что внѣшняя выработка выше содержанія, что искуство есть подражаніе природѣ и достается навыкомъ, что нужда научила ему человѣка.

Но между тѣмъ, какъ школьная мудрость домогалась, сіи скудныя умозрѣнія сдѣлать непреложнымъ кодексомъ для всѣхъ эпохъ и поколѣній, мощный геній XIX столѣтія отважно сбрасывалъ ея вериги, идея открывала себѣ просторъ расторженіемъ душной своей оболочки, начали появляться поэтическія созданія, не пріуроченныя къ тѣснымъ рамамъ классическихъ авторитетовъ, не подавленныя свинцовыми правилами близорукаго эмпирическаго ученія, но свободно излившіяся изъ глубины творящаго духа, возникали теоріи словесности, основанныя не на догматахъ Аристотеля, Цицерона, Горація и Квинтиліана, но на строгомъ анализѣ мысли, на ея вѣчныхъ и всеобщихъ законахъ, на разностороннемъ наблюденіи, какъ она выразилась въ литературѣ народовъ, сошедшихъ съ поприща исторіи, и современныхъ.

Во Франціи, откуда классицисмъ повелительно разсылалъ свои наказы цѣлой Европѣ, Лагарпъ, глава парнасскихъ уставщиковъ, вотще скликалъ музъ къ присяжному суду надъ отступниками отъ устарѣлыхъ положеній піитики и реторики. Въ ряды ихъ становились дѣятели съ неоспоримыми дарованіями. Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ, покинувъ въ мирѣ обитателей Олимпа, переселенныхъ волшебствомъ классиковъ на берега Сены, воспламенялъ въ соотечествен-

никахъ погасшій смыслъ къ наслажденіямъ природою и, отринувъ вычурную фразеологію Сенъ-Ламберта и Делиля, согрѣвалъ языкъ теплотою искренняго, жизненоснаго чувства. Шатобріанъ, истый представитель всѣхъ своеобразностей Французской націи, вполнѣ воплотившій перевороты, совершившіеся надъ нею въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, родоначальникъ нынѣшнихъ литературныхъ ея знаменитостей,—Шатобріанъ, который видѣлъ, какъ тускло догарали лучи былаго могущества аристократіи, обратилъ на себя вниманіе Лудовика XVI и Мирабо, возбудилъ удивленіе Наполеона, пользовался уваженіемъ Пія VII, Григорія XVI, Вашингтона и Питта, Фокса и Бурке, Боливара и Мегеммеда Али, съ непритворною преданностію посвятилъ свой великій талантъ на служеніе Бурбонамъ и былъ отвергнутъ ими, какъ докучливая Кассандра, оплылъ моря стараго и новаго свѣта, странствовалъ по обоимъ полушаріямъ, вдохновлялся на развалинахъ Рима и Аѳинъ, Мемфиса и Карѳагена, Гренады и Іерусалима, искалъ пріюта въ хижинѣ Гурона и въ шатрѣ Бедуина, присутствовалъ на конгрессахъ и конклавахъ, съ трибуны, въ газетахъ, изъ королевскаго кабинета, отвсюду могущественно двигалъ общественное мнѣніе, оказывалъ рѣшительное вліяніе на исторію своего времени, благовѣстилъ юной Европѣ о спасительныхъ истинахъ Христіанства, о необходимости монархическаго правленія и вразумлялъ ревнителей прошедшаго прекратить борьбу съ понятіями вѣка, — Шатобріанъ, котораго дивная жизнь изумляетъ даже смѣлое воображеніе, —тяжкими ударами громилъ тогда ветхое зданіе классицисма, самъ не постигая своего подвига. Въ Геніи Христіанства, въ мученикахъ, въ Рене, Аталѣ, Натчесахъ, въ приключеніяхъ послѣдняго Абенсеррага, онъ проявилъ идеи, уже не вмѣщавшіяся въ прежнія неподвижныя формы. Но Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ и Шатобріанъ, независимо прокладывая себѣ стезю, не принадлежали къ разряду тѣхъ героевъ умственнаго міра, кои тревоги самосознанія умиряли *Феменологіею духа.* Первый ограничился квіетисмомъ; второй, для домашняго обихода, начерталъ кое-какія эстетическія правила, подкрѣпляющія лишь давнюю мысль, что величайшіе художники весьма рѣдко отдаютъ себѣ надлежащій отчетъ въ теоріи искусства. Лишенный основательнаго философскаго образованія, не имѣя ни наклон-

ности, ни постоянства пуститься въ область умозрѣнія. Шатобріанъ дешево купилъ разглагольствія о характерѣ, о сущности, объ элементахъ классической и романтической поэзіи; поэтому и не умѣлъ объединить въ духѣ своемъ сіи два противоположные міра, поэтому собственныя его произведенія представляются какими-то амфибіями, не могутъ быть названы ни древними, ни новыми, ни языческими, ни Христіанскими, ни классическими, ни романтическими; по этому и критики безпрерывно ошибались въ оцѣнкѣ ихъ,—одни почитали его приверженцемъ Буало, другіе—творцемъ самостоятельнаго направленія. То, чего недоставало Бернардену де Сенъ-Пьеру и Шатобріану, талантливая дочь Неккера желала восполнить заимствованіями изъ чужбины. Г-жа Сталь глубоко изучила Германію; неопровержимымъ доказательствомъ тому ея превосходное сочиненіе: *de l' Allemagne*. Отрекшись отъ воззрѣній, господствовавшихъ въ XVIII столѣтіи, она познакомила Францію съ философіею Канта, Фихте и Шеллинга, съ литературнымъ переломомъ, который совершили Лессингъ, Шиллеръ и Гёте, съ эстетическими реформами Шлегелей. Но соотечественники не поняли ея: послѣ продолжительнаго первенства, горько, оскорбительно казалось имъ сдружиться съ убѣжденіемъ, что есть что-нибудь выше Французскаго. По этому-то они и колебались,—отстаивать ли свое обветшалое, или уступить идеямъ времени. Сія нерѣшительность, это тягостное сомнѣніе, породили литературу, коей безцвѣтность поселяетъ въ душѣ мыслящаго читателя неодолимое отвращеніе, и которая справедливо заслуживаетъ названія умственнаго недоноска. Вглядитесь пристальнѣе—Делиль уродуетъ Виргилія, Мильтона и Попе; Пужанъ размашисто толкуетъ о недоступныхъ ему древностяхъ и языкахъ сѣверныхъ народовъ; Легувé искажаетъ Гесснера и Клопштока, обкрадываетъ Шекспира; Битобé на свой ладъ коверкаетъ Гомера; Лансиваль румянитъ Стація; Лебрёнъ ощипываетъ Пиндара, Горація и Тибулла; Мари-Жозефъ де Шенье передѣлываетъ Шиллера и Альфіери, святотатственно посягаетъ на могучаго Британскаго исполина; Бауръ-Лорміанъ выводитъ на лощеный паркетъ угрюмую музу Оссіана, и вольная дѣва горъ, непривычная къ силлабической шнуровкѣ, вяло тянетъ пѣснь о былинахъ Шотландіи. Говорить ли уже о бездушныхъ созданіяхъ Арно, Жуи, Дюваля, Лемерсье? . . . . .

Heureux le bon esprit, qui sait n'y rien comprendre, повторимъ съ Андрьё.

И, между тѣмъ, эта Литература взлелѣяла Карамзина, Дмитріева, Озерова, Мерзлякова, Батюшкова, Гнѣдича, В. Л. Пушкина, князя Шаховскаго, Измайлова, Милонова, Воейкова и Каченовскаго, полновластно распоряжалась Русскимъ Парнассомъ въ началѣ текущаго вѣка, даже понынѣ коротаетъ запоздалые дни въ твореніяхъ своихъ воскормленниковъ. Подчинившись сей литературѣ, наши писатели чуждались теоретическихъ изслѣдованій Словесности, старыя правила находили неоспоримо вѣрными, и нисколько не заботились о критикѣ. Вниманіе ихъ исключительно обращалось на отдѣлку слога, на красивыя и благозвучныя выраженія, на плавность періодовъ. Поставить на приличномъ мѣстѣ прилагательное имя и причастіе, удачно употребить нарѣчіе, кстати обмолвиться союзомъ или междометіемъ, выгладить фразу такъ, чтобы мысль ловко скользила по ней,—вотъ все, чего посильно старались они достигнуть.

Но вѣкъ быстро шелъ впередъ. Во Франціи, постоянно прививавшей къ намъ свои литературныя мнѣнія, возгорѣлась отчаянная борьба романтисма съ классицисмомъ. Сперва въ гостинныхъ, потомъ въ журналахъ, завязались пренія, нарушившія сладкій покой Парнасскихъ законодателей, поднялись толки, что поэтическіе элементы далеко еще не всѣ вмѣщены въ тѣсные предѣлы классическихъ условій, что жизнь неистощимо обилуетъ ими, и что искуство должно почерпать ихъ изъ ея неизсякаемаго родника. Сіи споры, сіи смѣлыя сужденія, сильно раздражили писателей, прослывшихъ авторитетами, избалованныхъ почтительнымъ вниманіемъ общества и обыкшихъ видѣть вокругъ себя толпу непрекословныхъ подражателей. Сначала они, свѣдавъ, что противники ихъ, большею частію, молодые люди безъ значительныхъ подвиговъ, безъ многотомныхъ сочиненій, безъ громкой знаменитости, пустили имъ въ глаза пыль, стряхнутую съ произведеній поэтовъ—классиковъ. Отважная молодёжь не оробѣла и продолжала утверждать, что заслуги прежнихъ классическихъ поэтовъ нимало не свидѣтельствуютъ о превосходствѣ классицисма, а обнаруживаютъ только великія

ихъ дарованія, пробившіяся и сквозь толстую кору ложнаго ученія, что последователи сихъ поэтовъ, не имѣя равныхъ талантовъ, ощупью копируя прекрасные оригиналы, возбуждаютъ лишъ сожалѣніе, и что они необдуманно требуютъ, чтобъ даже другіе соображались съ такими ограниченными дѣятелями. Испытавъ неудачу своей тактики и замѣтивъ, что юные литераторы часто ведутъ рѣчь о Христіанствѣ, о среднихъ вѣкахъ, находчивые поклонники классицисма, въ пламенномъ желаніи внушить публикѣ подозрѣнія относительно намѣреній соперничествующей партіи, заклеймили приверженцевъ ея пресловутымъ именемъ романтиковъ. Этому зловѣщему слову, въ порывѣ негодованія вырвавшемуся изъ классическихъ устъ, надлежало напомнить о Феодалисмѣ, о Іезуитахъ, объ ужасахъ Инквизиціи. И тутъ классики ошиблись въ расчетѣ: роковое ихъ слово обошло всю Европу, тяжко встревожило новое поколѣніе; не однѣ знаменитости, но каждый, кого необузданное воображеніе смущало игрою призраковъ, съ гордостію величалъ себя романтикомъ. Чтобъ уравновѣсить силы и защититься отъ навѣта классиковъ, преобразователи примкнули къ корифеямъ, пользовавшимся прочною славою, стяжавшимъ несомнѣнное общественное довѣріе. Во главѣ своего направленія они поставили Андрé Шенье, Шатобріана, Г-жу Сталь и Ламартина. Испуганные симъ неожиданнымъ заявленіемъ, классики прибѣгнули къ послѣднему средству—подали челобитную, чтобы ценсура осмотрительно наблюдала за опасными нововводителями, и чтобъ Théâtre français навсегда остался закрытъ для ихъ твореній, портящихъ вкусъ, развращающихъ нравы. Торжествующіе романтики радовались, какъ умирающій классицисмъ завершалъ доказательства касательно рухлости своихъ основаній. Скоро размножились повременныя изданія, въ которыхъ они наносили рѣшительные удары классикамъ и широко вѣщали о преимуществѣ собственныхъ воззрѣній. Между романтическими критиками наиболѣе замѣчательны: Сентъ-Бёвъ, Амперъ, Низаръ, Сенъ-Маръ-Жирарденъ, Эдгаръ Кине, Планшъ, Лерминье, Магненъ, Марме и Филаретъ Шаль. Но романтики не удовольствовались этимъ, начали изучать литературы Англійскую, Нѣмецкую, Италіянскую и Испанскую, представляли образцы приложенія начертанной ими эстетической теоріи.

За сію-то скудную, поверхностную теорію съ жадностію ухватились наши писатели во второмъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка. Въ слѣдъ за Globe, Revue encyclopédique, Revue de Paris, Europe littéraire, Revue des deux mondes, и на основаніи мнѣній, высказанныхъ Гюго въ предисловіи къ Кромвелю, они пустились разсуждать объ отношеніи поэзіи къ народности, о связи искуства съ жизнію, о поэтическихъ красотахъ міровыхъ и національныхъ, объ идеалахъ Эллинскомъ и Христіанскомъ, о необходимости прекратить подражательность мертвой вещественной природѣ, о вникаціи въ духъ человѣческій, о творчествѣ самобытномъ. Журналисты неутомимо переводили критическія и теоретическія статьи романтическихъ преобразователей, неумолчно разглагольствовали о сѣверѣ и югѣ, о западѣ и востокѣ, о проявленіи Гердеромъ неслыханной идеи человѣчества, объ отысканіи Крейцеромъ элементовъ Миѳологіи восточной, о раскрытіи Фоссомъ классической древности въ ея истинномъ свѣтѣ, о возсозданіи Нибуромъ подлинной лѣтописи Рима, о ниспроверженіи Савиньи устарѣлыхъ положеній юриспруденціи, о блистательныхъ въ области Философіи именахъ Аста и Штуцмана, о мечтательности Шиллера, всеобъемлемости Гёте, безнадежности Байрона, о жильцѣ среднихъ вѣковъ—Вальтерѣ Скоттѣ, и на мѣрку сихъ сужденій прикидывали произведенія отечественной словесности. Смѣло утверждали они, что Жуковскій далъ въ Русской литературѣ только просторъ романтисму, но что дѣйствительнымъ поборникомъ его надлежитъ признать Пушкина.

Не хочу долѣе утомлять васъ, Мм. Гг... Вы пережили это смутное, суетливое время нашего умственнаго развитія; вы видѣли, какъ литературные наши дѣятели пытались обыденною газетною статейкой пересоздать вѣковыя системы, и случайно, по первому увлеченію, безъ внимательнаго изслѣдованія и отчетливой повѣрки, принимали чужія понятія, нисколько не затрудняясь размышленіемъ, что тѣ, у коихъ они напрокатъ брали ихъ, умѣли примирить свои домыслы съ историческимъ своимъ существованіемъ, съ своимъ народнымъ характеромъ, съ своими нравственными потребностями; вы были свидѣтелями, какъ раждались у насъ убѣжденія, неподкрѣпленныя ученіемъ, лишенныя твердой

опоры знаній. Внезапно, сверхъ чаянія, очутившись на крутой высотѣ совершенныхъ умозрѣній, мы не избѣгли участи непривычныхъ странниковъ—почувствовали сильное круженіе головы, и несвязно толковали о задачахъ всеобще—человѣческихъ, о вселенскихъ проблемахъ, объ абсолютномъ просвѣтлѣніи разума, о прозрѣніи въ его заповѣдные тайники. Подобно пловцамъ, отважно кидающимся въ пучину моря, мы любили за одинъ размахъ погружаться въ универсумъ, съ закрытыми глазами искали сокровищъ на глубокомъ его днѣ, и, утомленные напрасными усиліями, самодовольно предавались покою, какъ бы совершивъ важный подвигъ. Прихотливые гости на роскошномъ пиру идей, мы рано пресыщались ими, въ лучшей порѣ жизни грустили объ увядшихъ впечатлѣніяхъ. Намъ нравилась та дешевая мудрость, которая пріобрѣтается безъ труда; науку, испытательность, сознательное стремленіе къ опредѣленной цѣли, равнодушно покидали мы въ забвеніи.

По счастію, при этомъ положеніи нашей гражданственности, мы сохранили пламенную привязанность къ Вѣрѣ, Престолу и Отечеству: могущество Русскаго духа такъ непоколебимо, что особенностей, исключительно ему принадлежащихъ, онъ не утратилъ даже тогда, когда выдерживалъ борьбу продолжительную и упорную, когда дѣятельность нашей мысли далеко уклонилась отъ прямаго пути, когда разрушительныя начала отвсюду грозили одолѣть нашу народность.

Но сіи спасительныя особенности не имѣли общаго средоточія, скрывались подъ завѣсою образованія скороспѣлаго, несогласнаго ни съ преданіями прошедшаго, ни съ надеждами будущаго. Какъ разорвать эту плотную завѣсу? Какъ свергнуть давнюю и тягостную духовную зависимость? Какъ остановить превратное стремленіе умовъ, указать имъ лучшее направленіе, соотвѣтственное нашему порядку дѣлъ и нечуждающееся требованій вѣка? Вотъ вопросы, наводившіе глубокія думы на душу благомыслящихъ и просвѣщенныхъ патріотовъ!

Въ сію-то пору нашего богатства идеями и бѣдности свѣдѣніями, когда одни, напитанные иноземными понятіями, обративъ и житейскій бытъ и науку во взгляды, беззаботно наслаждались быстрою ихъ смѣною, другіе, проникнутые любовью къ родинѣ, тревожно ожидали возрожденія народнаго самопознанія,—въ сію трудную пору, по волѣ промысла, покровительствующаго Россіи, явилась необоримая, плодоносная помощь. Великодушный Монархъ съ высоты Трона воззвалъ къ намъ, чтобъ мы сдѣлались *истинно Русскими*. Въ этомъ отеческомъ, добровѣщемъ призывѣ заключаются и зрѣло постигнутыя минувшія судьбы наши, и вѣрноразгаданныя наши упованія на грядущее. Свѣтлымъ взоромъ объемля предшествовавшую жизнь и нынѣшнее положеніе Россіи, Государь Императоръ усмотрѣлъ, чего недоставало намъ и премудро принялъ мѣры къ восполненію недостающаго.

Намъ недоставало сознанной народности. Какъ даровать такое возвышенное сознаніе? Повременными внушеніями? Но уже Петръ словомъ и дѣяніями завѣщалъ *не жалѣть живота за отечество*, не помышлять о самомъ себѣ, а подвизаться во славу Святой Руси; уже Екатерина своими учрежденіями, своими занятіями отечественною исторіею и литературою, подала примѣръ радушной приверженности къ родному; уже Александръ, отстоявшій и возвеличившій землю Русскую, поручилъ Карамзину изобразить древнее достоинство Русскаго имени. И, между тѣмъ, стихіи нашей національности лежали еще неразработанными. Стало быть оказывалась потребность въ средствахъ дѣйствительнѣйшихъ? Да, Мм. Гг. нужду въ нихъ никогда не чувствовали такъ сильно, какъ въ эту пору, когда внимали мы призыву—быть истинными сынами Россіи. Эти благотворныя средства найдены теперь, и найдены тамъ, гдѣ понынѣ не искали ихъ тщательно,—въ воспитаніи единомъ, народномъ, современномъ.

Съ первыхъ лѣтъ Своего достославнаго царствованія, Мудрый Монархъ нашъ устремилъ проницательный взоръ на общественное и частное образованіе. По его мысли, оно должно изгладить вражду чуждыхъ началъ съ коренными

нашими свойствами, исцѣлить насъ отъ малодушнаго пристрастія къ чужеземнымъ мнѣніямъ, распространить уваженіе къ собственнымъ убѣжденіямъ, принаровить просвѣщеніе вѣка къ нашему духу и быту, утвердить насъ въ Вѣрѣ, въ преданности Престолу, въ любви къ Отечеству, слить всѣ необозримыя его области, сблизить разноплеменныхъ обитателей его такъ, чтобъ юноши отдаленныхъ концевъ Россіи видѣли другъ въ другѣ дѣтей одной могучей матери, уяснить намъ минувшую жизнь и раскрыть будущія судьбы.

Великъ сей планъ, предначертанный благою волею Царя; но велики и Его умъ, и Его желаніе добра народу, и нравственные способы государства. Во дни Петровы оно выдержало крутой переворотъ и предъ потомствомъ оправдало изумительный подвигъ преобразователя; нынѣ ли не поддержитъ своими силами, своимъ довѣріемъ, своею привязанностію Того, Кому Провидѣніе предоставило довершить твореніе Петра, кто Россіи, какъ бы послѣ долгой разлуки, возвращаетъ сыновъ ея, укрѣпленныхъ для жизни самобытной, и Кто неутомимо зиждетъ счастіе ихъ на незыблемыхъ основаніяхъ теплаго религіознаго чувства покорности закону, почтенія къ наслѣдственнымъ доблестямъ! Обозрѣвая происходящее теперь, невольно останавливаемся на размышленіи: не воскресъ ли Виновникъ историческаго нашего существованія, мощною десницею своею выведшій насъ изъ глубокаго мрака? Такъ всеобъемлющи намѣренія новаго зодчаго, такъ дивно пересоздаетъ Онъ всѣ отрасли управленія, такъ ускоренно шествуемъ мы къ нашему назначенію! Поймемъ же обиліе щедротъ, Имъ изливаемыхъ на насъ, и не пощадимъ ни трудовъ, ни ревности, чтобы пожать плоды, возращаемые Имъ для нашей пользы!

Признательность требуетъ разсудительнаго вникапія въ даруемыя милости. Къ чему же призываетъ насъ отеческая любовь Монарха?—*Къ духовной самостоятельности.*—Глубокъ смыслъ этихъ многозначащихъ словъ! Не сія ли самостоятельность служитъ яснымъ выраженіемъ умственной зрѣлости народовъ? Не она ли предлагаетъ имъ средства дѣйствовать сознательно, угадывать, что̀ приводитъ

къ истинному благоденствію, и неизмѣнно оставаться при томъ? Не на ней ли опираются спасительныя начала нравственности? Не она ли есть лучшее украшеніе каждаго благороднаго характера? Не она ли упрочиваетъ бытіе гражданскихъ обществъ и указываетъ имъ мѣсто на несокрушимыхъ скрижаляхъ исторіи? Не она ли даетъ поборникамъ своимъ отрадное увѣреніе, что идеи, проявленныя ими, не канутъ въ безднѣ времени, но, обреченныя вѣчной жизни, перейдутъ въ позднѣйшее потомство и своимъ наитіемъ воодушевятъ его къ дѣятельности?

Какимъ же путемъ достигается духовная самостоятельность? Вотъ вопросъ, котораго удовлетворительное рѣшеніе сдѣлалось существенною нашею потребностію въ настоящую пору, съ которымъ связаны главнѣйшіе интересы, къ которому тяготѣютъ всѣ разнородныя стремленія, и въ которомъ горячо участвуетъ каждый, кто не привыкъ оставаться празднымъ зрителемъ совершающихся предъ нимъ происшествій. Нынѣшнее торжество должно особенно возбуждать насъ къ внимательному разсмотрѣнію сего важнаго вопроса: оно посвящено славѣ Россіи, имѣетъ цѣлію поручить ей новыхъ гражданъ, готовыхъ принести на священный ея алтарь плоды своего образованія и своей безпредѣльной благодарности.

Нельзя жаловаться, чтобъ у насъ не было попытокъ разрѣшить этотъ трудный вопросъ. Въ то время, когда Правительство создавало глубоко обдуманную систему общественнаго и частнаго воспитанія, въ литературѣ нашей начались толки объ утѣшительномъ возрожденіи народности. Но разногласіе ихъ не ускользнуло отъ проницательности мыслящихъ наблюдателей, и подало поводъ къ справедливому убѣжденію, что они, по старому обычаю, повторяются съ чужаго голоса. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ грозныхъ потрясеній, испытанныхъ Европою въ концѣ протекшаго столѣтія, мысль о національной самобытности, какъ надежномъ залогѣ успокоительнаго равновѣсія взволнованныхъ страстей, постоянно занимала умы. Повсюду стремились осуществить ее въ государственномъ устройствѣ, въ наукѣ, въ словесности. Мнѣнія, возникавшія въ слѣдствіе

сего перелома, нашли во многихъ литературныхъ нашихъ дѣятеляхъ послушное эхо и покорную подражательность. Одни предполагали, что надобно лишь взяться за пѣсню, за сказку, за романъ и драму изъ Русской исторіи, и народная самостоятельность, какъ кладъ, сама дастся въ руку, — утверждали даже, будто переходъ къ національности въ литературѣ выразился у насъ тѣмъ, что Карамзинъ, по внушенію Шишкова, вознамѣрился освободить свой слогъ отъ иноземнаго вліянія. Другіе думали, что для уразумѣнія нашего призванія достаточно изучить учрежденія, подвиги, нравы, преданія и мудрость предковъ. Инымъ казалось, что этого еще не довольно, что исторія только Россіи не можетъ вполнѣ раскрыть элементы нашей жизни, и что не должно упускать изъ виду судьбы цѣлаго Славянскаго племени. При удивительной изобрѣтательности вѣка, нѣкоторые нашли простѣйшій способъ достиженія народности — совѣтывали руководиться осмотрительнымъ эклектисмомъ, отъ Нѣмцевъ заимствоваться идеями, а отъ Французовъ формами языка, и надѣялись, что, воспользовавшись такимъ наставленіемъ, мы, уповательно, будемъ нѣкогда мыслить и говорить по-Русски. Писатели высшаго полета, не дождавшись надлежащаго развитія нашего самопознанія, опредѣляли уже наши отношенія къ человѣчеству.

Но пока они вожделѣнный путь въ обѣтованную землю народной самобытности отыскивали, кому гдѣ приводилось, кто въ словѣ, кто въ дѣлѣ, кто въ эклектической беззаботности, Университеты, обновленные щедротами Монарха, направляемые мудрымъ исполнителемъ всезиждительной Его воли, съ блестящимъ успѣхомъ распространяли основательныя и свѣжія знанія, передавали юному поколѣнію истины, заимствованныя изъ неистощимаго наслѣдія вѣковъ и очищенныя любовью къ родному, Русскому, прочно укореняли образованіе между всѣми сословіями и на всѣхъ концахъ обширной Имперіи. Постигнувъ, что наступила пора, когда имъ надлежитъ тѣснѣе сблизиться съ гражданскимъ бытомъ, озарить его благодатнымъ свѣтомъ вѣдѣнія и согрѣть пламенною приверженностію къ отечественному, они дѣятельно принялись за верховную совре-

менную задачу. Легко угадать, что въ святилищахъ своихъ *наука* признается вѣрнѣйшимъ ручательствомъ въ духовной самостоятельности.

Слово *наука* вмѣщаетъ въ себѣ значительную совокупность отдѣльныхъ знаній, частныхъ наукъ. Какую же изъ нихъ должны мы предпочтительно избрать руководительницею къ духовной самостоятельности, сей высшей цѣли нравственнаго бытія народовъ? — Безъ сомнѣнія ту, которая предметомъ своимъ имѣетъ познаніе общее, всеобъемлющее, не ограничиваетъ своей дѣятельности изслѣдованіемъ какого нибудь исключительнаго ряда явленій, не останавливаетъ своего вниманія на одной какой нибудь сферѣ вѣдѣнія, но устремляетъ испытующую мысль нашу на весь міръ въ его цѣлости и, что особенно важно, на начало, сущность и органическое сцѣпленіе всѣхъ вещей. Эта возвышенная наука, проливающая животворный свѣтъ на всю систему человѣческихъ свѣдѣній, есть — *философія* (3).

Но скажутъ: тщетный трудъ говорить о томъ, что давно уже названо пустымъ, безплоднымъ мечтаніемъ. Знаю, Мм. Гг., что судьба любомудрія никогда не представлялась завидною; знаю, что науку объ идеяхъ, о главнѣйшихъ основаніяхъ нашихъ познаній, издревле клеймили самыми унизительными именами и предавали самымъ постыднымъ обвиненіямъ; знаю, что въ Элладѣ философія слыла зазорной гетерою, за связь съ которой Сократу привелось осушить чашу смертную; въ Римѣ суровый цензоръ настойчиво преслѣдовалъ ее строгими мѣрами; въ феодальной Европѣ она почиталась родоначальницею ересей и была неумолимо сожигаема на кострахъ; въ три послѣднія столѣтія падали на нее упреки то въ деисмѣ, то въ ниспроверженіи вѣковаго порядка обществъ, то въ порчѣ умовъ суетными домогательствами; знаю, что и въ нашемъ отечествѣ удѣломъ ея или равнодушіе, или даже издѣвающаяся острота; но тѣмъ не менѣе признаю, что намъ настоитъ существенная необходимость принять въ ней живѣйшее участіе. Позволяю себѣ думать, что картина развитія нашей гражданственности со времени Петра, начертанная, хотя и неискусною,

по правдивою кистью, достаточно убѣдила васъ, какъ дорого мы поплатились за пренебреженіе философіи.

Пусть осуждаютъ ее — одни по близорукому пристрастію къ своей наукѣ, которой преимущественно посвятили труды, другіе — по жалкой рутинѣ, сдружающей съ обыденностію, съ затверженными понятіями, съ ремесленностію, съ насущною, трепещущеюся пользою. Какъ быть! Тѣ не хотятъ идей, а эти неспособны къ нимъ. Оставимъ въ покоѣ и тѣхъ, которые, по нечистымъ побужденіямъ, умаляютъ достоинство Философіи, глумятся ея верховной цѣли, великому ея назначенію. Удивляться ли этому? Пилату воплощенною явилась Небесная Истина, а онъ сомнительно спрашивалъ: что есть истина? Избѣгнуть ли сомнѣнія истинѣ земной, человѣческой? Всегда и вездѣ боролась она съ лжеумствованіями; но и въ ту пору, когда противники надѣялись въ конецъ уничтожить ее, она жила, она всё-таки двигалась, по слову Галилея.

Чаще всего слышны толки: для чего ломать голову надъ отвлеченностями, если здравый разсудокъ открываетъ прямой путь къ дѣлу? Зачѣмъ уноситься мыслію въ облака, если мы призваны къ подвигамъ государственнымъ? Земля Русская обширна, ея средства чрезвычайны. Чтобы разработать ихъ, намъ нужны дѣятели съ практическимъ тактомъ, съ навыкомъ, съ смышленностію.

Но поборники здраваго разсудка погрѣшаютъ противъ него несравненно болѣе, нежели люди, изучающіе философію. Не подлежитъ ни малѣйшему спору, что отличительный признакъ здравости разсудка состоитъ въ томъ, чтобы не пускаться въ разглагольствіе о предметахъ, превышающихъ разумѣніе. Здравъ ли же разсудокъ тѣхъ, которые мнѣніе смѣшиваютъ съ знаніемъ? Повторимъ вопросъ Платона: можно ли, не будучи врачемъ, правильно оцѣнить сужденіе знатоковъ врачебнаго искуства? При томъ, справедливо замѣчено, что, такъ называемый, здравый разсудокъ рѣдко наслаждается вожделѣннымъ здравіемъ. По большей части онъ подверженъ тяжкому недугу полуобразованія, полумыслей,

полувзглядовъ. Извѣстно также, что сумракъ губитъ, а свѣтъ живитъ. Здравый разсудокъ!... Не ужели даже посягательство на высокое и благородное есть неотъемлемая его принадлежность?... Къ внушеніямъ такого разсудка философія не склонитъ своего слуха!

Что касается до отзыва о ея безполезности, то онъ сдѣлался нынѣ общимъ мѣстомъ здраваго разсужденія тѣхъ, которые выгоду поставляютъ гранью всѣхъ усилій, всякаго стремленія. Мудрены эти усердные проповѣдники полезнаго, прихотливы ихъ желанія! Доставь имъ философія изрядный капиталъ, богатую наживною службу, укрась отличіями, пріобрѣти недвижимую собственность, заведи фабрики, устрой дороги, облегчи сбытъ произведеній, и тогда они громкимъ хоромъ провозгласили бы похвалу ея *очевидной* пользѣ! А теперь, пока она не представила звенящихъ доказательствъ своей полезности, имъ сдается, что дѣйствительно

Ein Kerl, der spekulirt,
Ist wie ein Thier auf einer dürren Haide,
Von einem bösen Geist im Kreis herumgeführt (4).

Спекулируютъ и ревнители вещественныхъ выгодъ; но ихъ спекуляціи простираются — не далѣе рынка, или биржи. Остроумно сказалъ одинъ замѣчательный мыслитель о такихъ спекуляторахъ, что изобрѣтатель винокуренія кажется имъ выше Коперника, заведеніе тонкорунныхъ овецъ значительнѣе разсадника наукъ, а писарь волостнаго правленія почтеннѣе Гомера (5). Нельзя отрицать, что разумное исканіе полезнаго не только важно, но и необходимо. Когда же прославляемая польза поглощаетъ нашу дѣятельность такъ, что мы, домогаясь исключительно одной ея, теряемъ изъ виду верховные интересы жизни, тогда она становится ощутительнымъ вредомъ, разрушаетъ все, что основывается на идеяхъ, подавляетъ порывы духа къ возвышенному и прекрасному, уничтожаетъ энергію воли (6). Впрочемъ, въ самомъ ли дѣлѣ философія столь

безполезна, какъ увѣряютъ практики? Ужели нѣтъ плодовъ отъ ея давняго и напряженнаго труженичества? Будемъ признательны: она развиваетъ и уясняетъ то, что глубоко сокрыто внутри насъ, разоблачаетъ лучшую сторону нашей природы, научаетъ вникать въ свойства познавательной силы, помощію коей мы торжествуемъ надъ міромъ внѣшнимъ, приводитъ къ уразумѣнію истины. А сіи высокіе дары развѣ ниже обыкновенныхъ житейскихъ выгодъ? Но возразятъ: почему же польза, приносимая философіею, не такъ поражаетъ взоры, зрѣетъ медленно, требуетъ усильныхъ трудовъ, продолжительнаго ожиданія, иногда и совсѣмъ не удается? Между тѣмъ, въ эмпирическихъ наукахъ всякое открытіе есть капиталъ, на который ежедневно растутъ проценты, потому что онъ быстро переходитъ изъ рукъ въ руки, отъ народа къ народу. Да и утѣшительно ли, что подвиги философскіе рѣдко, весьма рѣдко выступаютъ за двери скромнаго кабинета, чаще умираютъ тамъ никѣмъ неузнанные, безвѣстные? Счастливѣе доля эмпирика: стоустая молва постоянно къ его услугамъ, заботливо разглашаетъ каждое изслѣдованіе, совершенное имъ. — Естественно! Въ назначеніи философіи заключается уже достаточная причина, по коей она спѣетъ послѣ другихъ знаній. Ей суждено дать отвѣтъ на такіе вопросы, за которые онѣ не въ состояніи взяться. Наука о безусловно-истинномъ, твердая опора всякаго вѣдѣнія, душа прочихъ наукъ, философія не можетъ мчаться къ цѣли своей съ быстротою паровоза. Явленіе, какъ источникъ каждаго опытнаго познанія, представляетъ бытіе только кажущееся, мимолетное и непрерывно измѣняющееся. Идея о сущности существующаго, образуя крайній предѣлъ постиженія собственно-человѣческаго и служа содержаніемъ философіи, дѣйствительно, не зависитъ отъ случайностей, вѣчна. Позволительно ли требовать, чтобъ эта высокая идея низошла до той степени, на коей преподаются наставленія о посѣвѣ картофеля? Согласенъ, что сіе тяжкое бремя не по плечу практическимъ умамъ; но философія не возлагаетъ его на перваго встрѣчнаго поденьщика. Тому лишь обнаруживаетъ она свои тайны, кто къ ея святилищу приближается съ любовію, со рвеніемъ и по внутреннему, неодолимому влеченію. Подобный жрецъ не нуждается въ рукоплесканіяхъ толпы, которой, по

слову поэта, печной горшокъ дороже Аполлона Бельведерскаго. Озаренный свѣтомъ философіи, онъ, и безъ одобрительныхъ кликовъ, находитъ лучшую награду за служеніе ей — въ созерцаніи идеаловъ прекраснаго, благаго, истиннаго.

Опровергать ли нелѣпое умствованіе тѣхъ, кои всенародно заявляютъ, что философія, какъ куріозный сборникъ причудъ мечтательной пытливости духа, не должна смѣть, подъ опасеніемъ неумытнаго суда, показываться въ государствѣ юномъ, полномъ избытка свѣжихъ силъ, успѣшно стремящемся къ своему великому призванію? Въ настоящую пору развитія ему несравненно нужнѣе, по ихъ увѣренію, политехническія и реальныя школы. Иное дѣло, продолжаютъ они, если Правительство способствуетъ процвѣтанію такихъ знаній, которыхъ вліяніе на общественное благоденствіе, по справедливости, оцѣнено всѣми здравомыслящими гражданами. Неумѣстно было бы возобновлять здѣсь давнюю распрю вѣдѣнія съ дѣйствительностію. Нынѣ, послѣ горькихъ убѣжденій, примиреніе ихъ является настойчивою необходимостію: въ немъ сокрытъ залогъ нравственнаго совершенствованія народовъ. Пожелаемъ же скорѣйшаго обновленія того привлекательнаго времени, когда въ Элладѣ наука, литература, искуство и жизнь развивались въ дружномъ единствѣ, навѣки упрочившемъ духовное ея значеніе! Юно въ исторіи наше отечество; но сія-то могучая юность, сіе обиліе благородныхъ порывовъ, и потребны для надежнаго преуспѣянія въ философіи. Часто случается видѣть, что человѣкъ, въ молодости расточившій свой талантъ на суетныя, ничтожныя наслажденія, подъ старость съ тоскою смотритъ, какъ безплодны его покушенія возвратить минувшія утраты. Не подвергаются ли этой печальной участи цѣлыя націи? Не замѣчаемъ ли, что тамъ съ особеннымъ усердіемъ начинаютъ устроивать фермы, предпринимаютъ разныя попытки, принаровливаютъ тѣ, или другія системы сельскаго хозяйства, заботятся объ улучшеніяхъ и неутомимо спорятъ о преимуществѣ новыхъ методъ, гдѣ производительность почвы уже ощутительно истощилась? Платонъ создаетъ идеальную республику; Аристотель сочиняетъ піитику; Макіавель съ

энтузіасмомъ начертываетъ планы реформъ, долженствующихъ возвеличить Италію. Что значитъ это? То, что въ Греціи и Италіи изсякъ тогда жизненосный родникъ самобытнаго поэтическаго и политическаго творчества. Укажу на примѣръ самый разительный. Былъ нѣкогда народъ, у котораго всѣ движенія духа подчинялись холодному практическому смыслу, глубоко проникнутому эгоисмомъ, — который единственною оцѣнкою подвиговъ, исключительнымъ мѣриломъ дѣятельности почиталъ насущную пользу, не простиралъ своего взора далѣе тѣснаго круга обыденныхъ нуждъ, довѣрчиво предавался судьбѣ и признавалъ безразсуднымъ вникать въ ея неисповѣдимость, — въ которомъ государственный механисмъ совершенно подавлялъ индивидуальность, — которому поэтъ, восторженный національнымъ величіемъ, внушалъ помнить только, что онъ избранъ управлять прочими народами, и что лишь въ достиженіи сей цѣли заключается счастливый его жребій, — между которымъ занятія наукою слыли мелочными, напрасными, даже вредными, — среди котораго отыскался неумолимый приговорщикъ, называвшій Сократа празднымъ пустословомъ и неугомонною головою, отъ души вѣрившій, что миролюбивый сынъ Софрониска и Фенареты питалъ коварный замыслъ, обаявъ умы пылкой молодёжи гибельными понятіями и подрывъ основанія господствующихъ нравовъ, въ разгарѣ необузданныхъ страстей властительствовать надъ согражданами. Этому народу, непреклонно равнодушному къ философіи, одинъ просвѣщенный мужъ убѣдительно доказывалъ и ея возвышенное происхожденіе, и важное ея назначеніе. Но тщетно! Римляне жили, чувствовали и мыслили для однѣхъ выгодъ государства; собственная ихъ личность сливалась съ его идеею, ихъ я вполнѣ поглощалось ею. При такомъ настроеніи умовъ, Римъ сталъ владыкою міра. И что же? Надъ симъ повелителемъ, коего желѣзное иго тяжко гнело вселенную, гонимая, пренебрегаемая философія одержала такую блестящую побѣду, какой она нигдѣ не имѣла надъ своими противниками. Когда онъ клонился къ упадку, когда государство не являлось болѣе средоточіемъ дѣятельности гражданъ, когда форумъ и комиціи не представлялись уже мѣстами, гдѣ люди замѣчательные обнаруживали свои дарованія, когда всё трепетало предъ волею быстро

смѣнявшихся властелиновъ, когда и военная слава никого не привлекала, тогда въ чемъ искали Римляне услады за безжизненное настоящее? Они обратились къ философіи. Но эта наука ожидаетъ свѣжихъ, неиспорченныхъ силъ, которыхъ имъ недоставало. По этому Римляне, въ теченіе слишкомъ 400 лѣтъ, не произвели ни одного значительнаго мыслителя, коего бы можно было сравнивать съ великими Греческими образцами. Въ занятіяхъ ихъ нѣтъ и слѣда той основательности, той обширности, которымъ удивляемся мы въ Грекахъ; они не только не высказали ничего самостоятельнаго въ философіи, но и не усвоили сознательно разультатовъ, достигнутыхъ предшественниками. Пересмотрите сочиненія Сенеки, Апулея, Авла Геллія, Макробія, и вы убѣдитесь въ этомъ. Такъ надлежало быть! Философія требуетъ, чтобъ ей посвящались наши труды свободно, по вольному движенію духа, а не въ ту пору, когда мы не знаемъ, чѣмъ успокоить встревоженную душу, гдѣ найти пріютъ отъ бурныхъ волненій современности. Тому лишъ раскрываетъ она таинственную свою завѣсу, кто приходитъ къ ней отъ жизни бодрой, кипучей, а не тому, кто въ разладѣ съ самимъ собою, чье сердце очерствѣло для впечатлѣній свѣта, чей умъ изъ борьбы съ дѣйствительностію вынесъ мертвую пустоту. Если благочестіе человѣка, предающагося вѣрѣ тогда, когда высшія побужденія зачахли въ немъ, ограничивается ханжинствомъ, то и занятія философіею отнюдь не лучше у того, кто прибѣгаетъ къ нимъ отъ нѣчего-дѣлать, затрудняясь, чѣмъ убить праздные часы. И такъ неудивительно, что Римляне не пожали плодовъ отъ изученія философіи: они не оказались годными къ жатвѣ. На кого же надобно жаловаться, кого упрекать въ томъ? Философію? Нѣтъ, она, вопреки своей природѣ, становится безполезною только тамъ, гдѣ въ людяхъ завяли душевныя способности, безъ которыхъ не льзя достигнуть пользы.

Это правдивое убѣжденіе постоянно воодушевляло мудрыхъ Монарховъ Россіи. Геніальный умъ Петра, по преимуществу наклонный къ практическому, признававшій науку силою государственною, а не сластолюбивою игрою досужаго пустословія, не почиталъ философіи излишнею народу Русскому (7). Бла-

гословенный Праправнукъ Преобразователя, открывая новые храмы просвѣщенія, и для нея устроивалъ въ нихъ особые придѣлы.

Вразумленные указаніями прошедшаго, нынѣ постигли мы важное значеніе народности. Но осуществленіе ея возможно лишь тогда, когда мы глубоко вникнемъ въ сокровенныя тайны нашего духа, изслѣдуемъ законы, по коимъ онъ дѣйствуетъ, и сознаемъ неистощимое его богатство. Кто же долженъ направлять насъ въ стремленіи къ сему самовникапію, къ сему высокому сознанію? Близорукая ли практика, или всеобъемлющая, дальновидящая философія? Не трудно разгадать это. При вѣковомъ руководствѣ практики, мы успѣли придти — только къ утратѣ умственной самостоятельности.

Обратимся же теперь къ философіи, перестанемъ малодушно пренебрегать ею. Она даруетъ намъ познанія прочныя, свободныя отъ стѣснительнаго ига чужеземнаго, полныя жизни, обильныя плодами и проникнутыя нравственнымъ могуществомъ. Она означитъ наши цѣли, измѣритъ и проложитъ пути къ нимъ, раскроетъ неистощимыя средства, найдетъ ручательство успѣховъ. Она спасетъ насъ отъ мечтательныхъ взглядовъ, отъ пустыхъ думъ, отъ полумыслей, раскроетъ намъ опыты вѣковъ, укрѣпитъ надежными ихъ пособіями, дастъ помысламъ нашимъ необходимую стойкость. При ея наставленіяхъ, мы покинемъ робкое блужданіе вокругъ святилища науки, но войдемъ въ него съ отраднымъ упованіемъ, что сами въ состояніи вынести оттуда сокровища. И сіи нетлѣнные дары будутъ нашимъ самостоятельнымъ пріобрѣтеніемъ, провозвѣстниками нашего самобытнаго совершенствованія, залогомъ нашихъ самодѣятельныхъ подвиговъ.

Вамъ, юные слушатели, желалъ бы я внушить правильное понятіе о достоинствѣ философіи, о ея плодотворномъ вліяніи на жизнь. Васъ хотѣлось бы мнѣ увѣрить, что дѣйствительность и истина соединены другъ съ другомъ неразрывно, что напрасно домогаются расторгнуть связь опыта съ мышленіемъ,

что безсмысленный опытъ не ведетъ ни къ чему, а безопытное мышленіе есть обманчивая мечта, порожденная воображеніемъ. Вамъ особенно надлежитъ убѣдиться, что истинная философія всегда соотвѣтствуетъ требованіямъ гражданскаго быта, что не она, но собственное наше заблужденіе, прокладываетъ враждебную грань между теоріею и практикою, и что знанія тогда лишъ существенны, когда въ нихъ дружно совокуплены вѣдѣніе и дѣйствіе. Помните прекрасныя слова Платона: «Философъ», говоритъ онъ, «постоянно созерцая вѣчную гармонію добра, въ которомъ нѣтъ никакого безпорядка, но все верховная красота и разумъ, въ состояніи ли не стремиться къ прекрасному и благому, можетъ ли не подражать ему посильно? Быть въ безпрерывномъ обращеніи съ предметомъ любви и уклоняться отъ подражанія ему — совершенная невозможность»! Непрестанно испытуйте ваши душевныя способности, неослабно вникайте въ таинственныя ихъ глубины: познаніе истины не дается извнѣ и доступно только тому, кто извѣдалъ силы своего духа, изъ коего, какъ изъ фокуса, проистекаютъ всѣ науки и искуства.

Des Menschen Worte und Gedanken, wisst,
Sind nicht wie Meeres blind bewegte Wellen.
Die innere Welt, sein Mikrokosmus, ist
Der tiefe Schacht, aus dem sie ewig quellen.
Sie sind nothwendig, wie des Baumes Frucht,
Sie kann der Zufall gaukelnd nicht verwandeln.
Hab'ich des Menschen Kern erst untersucht,
Dann weiss ich auch sein Wollen und sein Handeln (8).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Schelling's erste Vorlesung in Berlin, 15 November 1841, S. 4—5.

(2) Сравни: Hegel's Werke VI, S. 200, особенно же III, S. 394; «Der Gebrauch jener Formen ist darum weiter nichts, als ein bequemes Mittel, es zu ersparen, die Begriffsbestimmungen zu fassen, anzugeben und zu rechtfertigen».

(3) Смотри: *Михневича*, о достоинствѣ философіи. Ж. М. Н. П., 1840 Февраль, стр. 112 и слѣд.

(4) *Гёте*.

(5) *Кронебергъ*.

(6) Сравни: *Новицкаго*, объ упрекахъ, дѣлаемыхъ философіи. Ж. М. Н. П., 1838, Февраль, стр. 301 и слѣд.

(7) *Фишеръ*, о ходѣ образованія въ Россіи. Ж. М. Н. П., 1835, Генварь, стр. 61.

(8) *Шиллеръ*.

2007055510